

И снова Татьяна Березина, как вспыхнувший метеорит. Высокая драма поэзии в глазах ее темных горит.
На снимке Виктора Дианова
Засл. артистка России Татьяна Березина.

ЧИТА

литературная

Газета интеллигенции Забайкалья

№ 2

Июль 1996 г.

Разрабатывая программу развития культуры на 1997 — 1999 гг., мы попытались наглядно представить несколько возможных вариантов-моделей развития России в течение ближайших десятилетий и определить соответствующие приоритеты в области культурной политики.

Первая модель. Победа культурного и политического консерватизма, попытка стабилизации ситуации на основе только самобытности России и ее особого пути в истории. В этом случае неминуем возврат к огосударствлению культуры. Приоритетную поддержку автоматически получают культурное наследие, традиционные формы творчества, "иноземное" влияние всячески тормозится. отече-

ственная, художественная классика остается предметом культа, а к эстетическим новациям общество относится с подозрением.

В этих условиях возможность маневра в области культурной политики минимальна. Можно попробовать лишь стимулировать нетрадиционные художественные поиски целевыми грантами и создавать льготные условия для дозволенных элементов новой высокой и доброкачественной коммерческой культуры. По своей природе эта модель недолговечна и неминуемо ведет к новому кризису. Но в условиях России она, победив, может просуществовать, я думаю, 50 — 100 лет.

Вторая модель. Под воздействием извне Россия интегрируется в мировую систему и хозяйства, и культуры, превращаясь в своего рода провинцию по отношению к

глобальным процессам. Господствующей становится культура Макдональдса и кока-колы, американских фильмов и шоу, японских телевизионных игр и т.д. Культурная жизнь общества стабилизируется на основе коммерческой саморегуляции. Роль государства сводится до минимума.

В этих условиях проблемами становятся сохранение самобытности российской культуры, ее международного влияния и интеграция наследия в культурную жизнь. Эти цели могут быть достигнуты путем поддержки народных промыслов и создания льготных условий для их коммерциализации, поощрения классических форм творчества и, при стабилизации политической ситуации, ускоренным развитием культурного туризма на территории России как для граждан РФ, так и для иностранцев.

НЕ В РОЛИ «БЕДНОГО РОДСТВЕННИКА»

Третья модель. Россия, на наш взгляд, еще может интегрироваться в систему мировой культуры не в роли "бедного родственника", а на правах лидера. Это потребует использования не столько экономического и военного, сколько в первую очередь культурного потенциала страны и коренной переориентации культурной политики.

Приоритет внутри страны должен быть отдан распространению высших образцов не только классики, но и достижений глобальной массо-

вой культуры, ускоренному развитию отечественной культурной индустрии. Параллельно должно поощряться включение творческих работников во всемирные сети художественного производства и коммуникации. Внешняя культурная политика также должна быть переориентирована, не забывая традиционных партнеров не только в Европе и США, но и на Востоке и Тихом океане, для позитивного восприятия импульсов ускоренного развития из этого региона.

Вряд ли надо пояснять, что реализация первых двух моделей значительно более вероятна, чем третьей, пока еще утопической. Однако именно эта последняя, ориентированная на культуру, которой должны быть подчинены и политика, и экономика, показывает действительные перспективы утверждения великой культурной роли России в третьем тысячелетии.

Евгений СИДОРОВ,
министр культуры России

Красная строка

На разных семинарах и вечерах-встречах с читателями поэты лукавят:
— Я задумал, я запланировал,
я решил откликнуться.

Не было этого, не было! Это сами стихи заставили поэта задуматься, откликнуться... Мне хочется предложить читателям стихи в том порядке, в каком они легли в папку по мере своего рождения, не делить их на "сильные" и "слабые", а просто сказать: "Все это — мое, и я отдаю его вам".

ИХ ЖИЗНИ ПОЭТОВ

Поэтесса — хрупкая девчонка.
Челка через лоб наискосок.
Джинсовая узкая юбчонка.
По-синичьи тонкий голосок.
За столом — седеющие мэтры.
Каждый важен, неподкупен, строг.
Каждый — автор сотни километров
Благозвучных стихотворных строк.
Голосок срывается, взлетает,
Беззащитной песенкой плывет.
В душах мэтров тихо-тихо тает
Патриаршей строгости налет.
Вместо слов звучат аплодисменты.
И пока совсем еще не зло
Шепчут с легкой завистью

студенты

Полувосхищенно:
— Повезло...
Семинар окончен.
Тихий вечер.
Ресторан с искусственным теплом.
И как это водится, конечно,
Наши мэтры снова за столом.
И старик — поэт давно известный,
Нарушая медиков табу,
Поднимает гостя за поэтессу.
За ее нелегкую судьбу:
— ...Будут и ушибы, и ухабы.
Знал бы путь полечче — указал,
Ведь могла бы жить
счастливой бабой,
Да Господь талантом наказал...

Табун лошадей на опушке
березовой роши.
На цыпочки вставший, отважный,
неопытный гриб.

Борис Накаров

Над самой травой
ястребинный решительный росчерк.
Надсадный и грустный столетнего
дерева скрип.
Любимая женщина.
Мудрая, добрая книга.
Желание время осмыслить свое
и понять.
Все это мое до последнего самого
мига.
И это уже у меня никому
не отнять.

ПРИМЕТА

Новорожденный месяц круторог
И нижний рог его к земле
направлен.
Вскипят ручьи,
помчатся вдоль дорог
И напоят полуживые травы.
Да, быть дождям.
И быть дождям большим,
Смывающим и пыль, и грязь,
и тени.

Я чувствую мембранную души
Всеобщую потребность в очищении.

УЛИЧНАЯ СЦЕНА

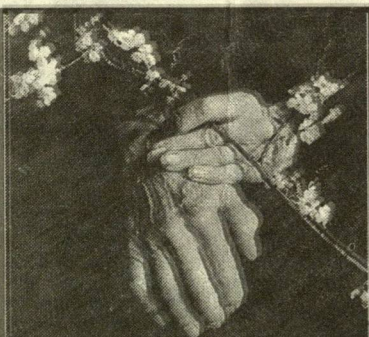
Окурочная улочка.
Окурки там и здесь.
— Позвольте, тетя, булочку
Одну бесплатно съест.
Румяная лоточница —
Тяжелые бока —
Глядит глазами-плошками
В упор на паренька.

Алеют щеки сочные
Почти-что на груди:
— Коль жрать бесплатно хочется,
Иди и укради.
Глаза у парня щелятся
В двухлезвийный нож.
На многое осмелится
Такая молодежь.
И пятаки лоточница,
Воя: "Бандит и псих!"
От залпа-многоточия
Из булочек своих.

РЫБАЦКОЕ СЕЛО

Туман, как белая рубашка.
На теле утренней реки.
Готовят завтраки рыбацки.
Готовят сети рыбаки.
Калачный запах густ и сладок.
Ни суеты, ни лишнего слов:
И на плечах мужчин, как латы —
Гирлянды белых поплавок.
Ярки на женщинах одежды,
И ясен взгляд веселых глаз.
Надежно здесь живет надежда
На добрый день и добрый час.
Пусть мир большой скрипит
и стонет,

Здесь свой незлыблемый уклад.
Была бы только рыба в тонях,
В работе лад и в семьях лад.
Все остальное — прах, не больше.
Прошлестело — и забудь.
На сердце радостно и больно.
Я здесь проездом.
Завтра — в путь.

В НОМЕРЕ:

Ага Забелина

День 9 мая 1945 года начался как обычно. Ничто не предвещало, что ему будет суждено войти в историю. На вечер был назначен лермонтовский "Маскарад". И вдруг радостная и такая долгожданная весть — "Победа!"

Валентин Молчанов

По моему глубокому убеждению, все эти сферы деятельности должен координировать комитет по культуре при главе администрации, возглавляемый специальным его заместителем.

Георгий Траудин

Шятого сентября на главной площади города было не протолкнуться. Сюда пришли и приехали десятки тысяч людей. Облкниготорг, облпотребсоюз и "Военная книга" вывезли все лучшее, что было на книжных базах.

Ольга Коваленко

Сестру и меня вывели во двор. Горел соседний огород. Отец убежал на пожар, захватив ведра. Там, у огня, суетились тени, в темноту красиво взлетали искрящиеся головешки, было здорово и тревожно.

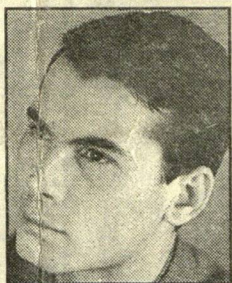
Юрий Крутов

Линогравюра требует совершенного владения рисунком, тонкого и точного чувства света, виртуозной техники резьбы. Все это, и еще талант от Бога, позволили Ю. Крутову стать одним из ведущих графиков Сибири и России. С его работами знакомы не только соотечественники, но и зарубежные знатоки графического искусства.

За 35 лет работы в государственных учреждениях культуры и искусства я не работал только в музее, библиотеке и сельском клубе. Даже в Доме офицеров и то сподобился. Может быть, мои размышления, прогнозы и предложения не во всем верны... Однако, они искренни, честны и доброжелательны.

Высеслав Молчанов,
Засл. деятель искусств России

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ, «ВЕСЕЛЕНЬКИЕ НИЩИЕ?»

Культура (возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание) — исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и

способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях.

(Советский энциклопедический словарь, М., 1984 г., с. 668), далее СЭС.

Другими словами, культура — это непереносимое условие, способ и цель существования цивилизации. Если же вспомнить теорию Вернадского о ноосфере, то ведь нужно бы нашим философам подумать: а не на пороге ли мы новой цивилизации? Правда, по теории Л.Н. Гумилева, новая цивилизация появляется, как правило, на развалинах старой и (чаще) на других территориях и у других этносов. Так ли уж это верно, ежели «других территорий» у нашей попросту нет? Но не это тема моих размышлений.

Коммунисты оставили нынешней власти в наследство мощнейший идеологический аппарат — систему культуры — отрасли. Аппарат обученный, опытный, пластичный, всегда, независимо от принадлежности или непринадлежности к партии, стремившийся к демократическому обустройству общества. Эти люди в силу своего ремесла не могли не быть вольнодумцами. И наши родные демократы бросили этих людей на произвол судьбы, на подножный корм. Наша областная культура стоит копейки. Если раскинуть на душу населения, мы будем стоять на уровне Занзибара.

За этим — абсолютное непонимание приоритетов. Непонимание сущнейшей проблемы — что же главное для будущего? Ей-богу, не колбаса, и даже не Удкан. Люди. Их духовность, образованность, развитость. Ведь вы посмотрите — как слово «духовность», так непременно поп-батюшка! Хорошо, верующим это нужно — на здоровье. Но ведь этим не ограничивается содержание духовности — здесь и хорошая книга, и высокое искусство, и прекрасная природа, и семейное счастье, и многое другое. Если мы не поймем, что культура в широком понимании этого слова — залог нашего буду-

щего, участь россиян печальна. Самый главный потенциал России — люди. Даже сегодня, в сложном положении, весь мир призывает, что мы — одна из самых интеллектуально богатых наций. Если не самая богатая.

«Клуб — общественная организация, добровольно объединяющая группы людей в целях общения, связанного с различными интересами, а также для отдыха и развлечения».

(СЭС, стр. 509).

Проработав 35 лет в системе культуры, могу назвать их типы: клуб, сельский дом культуры, районный или городской дом культуры, передвижной автоклуб, агиткультбригада (тоже передвижная), государственные, профсоюзные и колхозные клубы, дома и дворцы культуры, солдатские и офицерские клубы, дома офицеров. Так вот, миллион занятых работников, из них до 70% людей, не имеющих специальной подготовки. Размещены в убогих помещениях, с убогой «наглядной агитацией», почти полным отсутствием инвентаря и оборудования.

Но главное в том, что «клуб» потерял изначальный свой прекрасный смысл — добровольное объединение людей по интересам. Клуба в нашем понимании практически не существует в других странах. В этой сфере самое главное — вернуть клубу его изначальное понятие — общественное объединение. Сохранилось в этой местности влечение к фольклору — пусть будет такой клуб, в другой — поп-музыка — на здоровье, объединяйтесь: здесь рыболовство — прекрасно, там шахматы — что же лучше, охота иметь драмкружок — замечательно.

Драма советского (до и постсоветского) клуба — стремление соединить в нем кабак и церковь (атеистическо-коммунистическую). Причем, если раньше превалировала церковь, то теперь — кабак.

Клуб в советском понимании умирает. Реанимировать его не следует.

Есть еще одна деталь: в сельских да и прочих клубах осуществляется кинопоказ. Предельно убыточный. Наши кинообъединения за счет сельского кинопоказа убыточны и получают государственные дотации. Нонсенс! Сколько сжигается бензина, сколько здоровых деревенских мужиков стоят у кинопроекторов! Хорошо бы посчитать эти расходы, да дать в каждую деревню видеоплеер с большим экраном (их уже и Китай «лепить» научился). Чтобы они были недорогие, да простые в управлении, да в каждом районе хорошую прокатную видеотеку создать.

Есть в деревне клуб любителей кино — плати ежемесячный взнос — он будет грошовым, и смотри — посматривай. Конечно, здесь много, что нужно решить. Переориентироваться с производства кинолентки на видеопленку, с киноаппаратуры на видео-и не это ли один из путей конверсии нашей электронной промышленности?

Нужны будут сотни тысяч плееров. Вот бы конкурс объявить между электронщиками на наиболее качественный и дешевый аппарат! Не говорю уже об экономии электроэнергии, складских помещений. Видеокассета уместится в кармане. По моим прикидкам, головной дотации на сельский кинопоказ вполне хватит на такую «революцию». Думаю, что за 3 — 5 лет эту акцию можно осуществить.

«Библиотека, учреждение культуры, организующее сбор, хранение, общественное пользование произведенной печати... В СССР в 1979 году насчитывалось 350 тысяч библиотек...»

(СЭС, стр. 137).

Сразу же объясню в любви к библиотекам и библиотекарям. Это — святые люди нашей культуры. Библиотеки — это то, что должно

(Окончание на 4—5 стр.).

ПРЕСС-БЮРО

♦ Выставка китайского художника Ван Вей Дзя прошла в художественном музее.

♦ Читинский театр кукол провел гастроли этого года в Москве.

♦ К юбилею писателя В. Никонова издательство «Росток» выпустило однотомник «В горах мое сердце» из серии книг «Забайкальское слово». Кроме того, библиотека им. А.С. Пушкина издала полный и хорошо оформленный библиографический указатель, посвященный творчеству писателя. Подобные персональные справочные пособия, включающие описание всей печатной продукции автора, были изданы к юбилеям М. Вишнякова и В. Лавриняйтиса.

♦ Руководитель писательской организации Е. Куренной побывал у ребят Дровянской средней школы с рассказом о знаменитом земляке, писателе Георгии Шелесте (Малых), которого знал лично. Затем состоялось открытие музея забайкальской литературы имени Г. Шелеста.

Сегодня мне хочется перелистать страницы истории Читинского драматического театра.

Рассказать о том, о чем многие старожилы уже давно забыли, а молодежь и вовсе не знает. Эта мысль пришла еще и потому, что, кажется, я — единственный человек из тех, кто был тесно связан с читинским театром военных лет.

Ага Забелина

Мне посчастливилось работать в коллективе, где почти каждый был личностью. Одни фамилии чего стоят! Дуван-Торцова, Истомин-Кастровский, Соболищников, Бартенев, Гнедич, Лаппа-Старженецкий. Фамилии громкие, театральные. Они воскрешают в памяти знаменитые династии актеров, режиссеров, антрепренеров.

Возьмем в руки советский энциклопедический словарь. Читаем:

ден. В распоряжение режиссера был выделен взвод милиции на лошадах. И вот в один из дней читинцы увидели такую картину. По улице мчатся вооруженные саблями всадники. А впереди на боевых конях Олеко Дундич (конечно же, это был Истомин-Кастровский) с двумя своими адъютантами. Их играли Иван Могуленко и Сергей Точигин. Это действо снималось на кино-

ТЕАТР

ЮНОСТИ МОЕЙ

«Соболищников-Самарин, советский режиссер и педагог, народный артист РСФСР. Крупнейший антрепренер, режиссер русского провинциального театра. Пропагандист драматургии Горького, Чехова». А его родной племянник Николай Соболищников в годы войны был гордостью читинской сцены. Настоящую славу принесла ему роль поручика Карташева в спектакле «Ключи Берлина».

Киевский актер и антрепренер Дуван слыл на Руси чуть ли не лучшим исполнителем роли Любима Торцова в пьесе Островского «Бедность не порок». Вот так к его собственной пристала фамилия сценического героя. В революцию семья Дуван-Торцовых эмигрировала во Францию. На родине осталась лишь младшая дочь — Анна. Девушка пошла по стопам отца. В Читу Анна Исааковна Дуван-Торцова приехала уже зрелой актрисой.

Юрий Александрович Девитте в те далекие годы работал режиссером на Читинском радио и актером в драматическом театре. Его мать — Ольга Антоновна Девитте с золотой медалью окончила Варшавскую консерваторию и была превосходной пианисткой. Ее музыкальный талант унаследовал и сын. Поэтому, когда по роли Юрию Александровичу надо было исполнять какие-то музыкальные произведения, он это делал сам.

Нельзя не сказать и о режиссерах.

Главным режиссером был приглашен Владимир Владимирович Истомин-Кастровский — человек с огромным запасом энергии, постоянного творческого поиска. Зрители любили его не только как создателя интересных спектаклей, но и как актера. В сезон 1942 — 1943 годов нашумевшим был поставленный Истином-Кастровским глубоко патристический спектакль «Олеко Дундич». Драматурги Кац и Ржевский посвятили свою пьесу герою гражданской войны, сражавшемуся в первой конной армии и погибшему в одном из боев. Задумки у режиссера по поводу этой постановки были самые грандиозные. Но как воскресить события далеких лет, где найти такое число людей, чтобы правдиво изобразить массовые сцены боя? И выход был най-

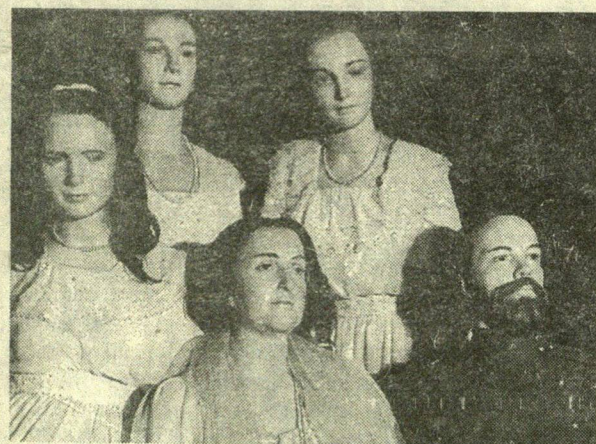
пленку, а потом по ходу репетиции с экрана. Эффект был потрясающий!

И тут пора вспомнить главного художника театра Василия Васильевича Тележинского — позднее заслуженного деятеля искусств. Всякий раз, когда на сцене поднимался занавес, в адрес художника раздалась бурная овация. Спектакль не начинался до тех пор, пока не утихли восторги зрительного зала. Уму непостижимо, как в тяжелое военное время, когда и доски, и гвозди были на учете, ему удавалось делать декорации, вызывающие и удивление, и восхищение.

Последний военный сезон открылся спектаклем «Варвары» Горького.

День 9 мая 1945 года начался как обычно. Ничто не предвещало, что ему будет суждено войти в историю. На вечер был назначен лермонтовский «Маскарад». И вдруг радость и такая долгожданная весть — «Победа!» «Маскарад» срочно заменяется «Ключами Берлина». Те читинцы, кто в этот день побывал в театре, запомнили его на всю жизнь. Еще задолго до начала спектакля у театра стали собираться толпы людей. То и дело слышался вопрос: «Нет ли лишнего билета?» И вот до предела заполнен партер, ложи, балкон. Зрители стоят у стен, в проходах. Наконец зал затихает, начинается спектакль. Актеры играют с небывалым подъемом. Их реплики сопровождаются аплодисментами. Но вот приближается финал. Австрийская армия разбита. К ногам победителей — отважных русских воинов склоняются вражеские знамена. По зрительному залу в сопровождении своих боевых друзей проходит поручик Карташев. Вот они направляются на сцену. Наступает кульминационный момент: бургомистр города Берлина вручает победителям символический ключ от столицы. И тут начинается такое, что на словах передать просто невозможно. Раздается гром аплодисментов, крики: «Ура!» «Мы победили!» Зрители вскакивают с мест, плача и смеясь бросаются в объятия друг другу и актерам — обнимаются, целуются, поздравляют с Великой Победой.

ПРЕСС-БЮРО

Экспозиция Санкт-Петербургского музея восковых фигур размещена в залах Читинского художественного музея. Из трехсот фигур исторических лиц российского государства в нашем городе выставлены двадцать семь работ историков, искусствоведов, художников и модельеров города на Неве. Это Ломоносов, Сталин, Петр I, Аристотель, Александр Суворов, Леонардо да Винчи...

На снимках Евгения Епанчинцева семья последнего царя России Николая II и бывший «отец всех народов» Иосиф Сталин.

Постой, я тебе все объясню. — Женщина быстро уходила, ведя за руку девочку лет шести. Олгонд бежал за ними в болотных сапогах, запинаясь о камни и постоянно падая.

— Погоди, послушай.
— Нет, нет, — сказала она тихо, — я не хочу тебя слушать. Ты никогда не справишься.

— Ну постой, не уходи, у нас все будет по-другому.

— Ничего у нас больше не будет, — не оборачиваясь, сказала она.

Лицо девочки ОН не видел, ОНА держала мать за руку и ОНИ уходили все дальше и дальше по берегу шумной реки. Олгонд бежал за НИМИ, просил, умолял, но ОНИ все отдалялись и вдруг оказались на другом берегу. ЕГО охватило глухое отчаяние, когда ОН понял всю безнадежность своей просьбы. Подумал: "Уйдет, совсем уйдет и дочь уведет".

— Постой, я тебе сказал. Лучше по-хорошему. — В голосе зазвучали нотки угрозы, женщина удивленно обернулась.

— Ведь ты — женщина! — крикнул Олгонд, пересиливая голосом бурлящий поток. — Разве ты не можешь понять меня и простить ради ребенка?

— Нет, — понял он скорее по шевелению ее губ, чем услышал.

— Христом Богом прошу! — поднимая винтовку, крикнул Олгонд. Она смотрела на него насмешливо. Короткий карабин рыкнул, зло и отрывисто, выбросив из ствола сногворящий пламени.

Зарычал будильник, Олгонд подскочил, ударился головой о полку с книгами. Протянул руку, нажал на стопор звонка. В зимовье выстыло за ночь, в горле высохло от тяжелых снов. Попил холодного, но очень сладкого чая из кружки. Вылез из спальника, набросал в печурку поленьев, подожил бересту. Печь загудела, наполняя зимовье приятным теплом. Олгонд включил радиостанцию. Охотевед Виктор Рыбаков его уже вызывал:

— Арахис-четыре, я — Норд-пять, прием. Арахис-четыре...

— Норд-пять, я — Арахис-четыре, — прижав тангенту, ответил Олгонд.

— Принимай борт, час, как вылетел к тебе. До связи.

Олгонд наклонил куртку, ичиги, на ходу сунул в рот сигарету, вышел из зимовья. С устья Чашевитой заходил на базу, хлопача лопастью винтов, маленький красный вертолет. Сделав круг, он мягко сел поперек площадки, прибрал обороты. Бортмеханик переломил кресло, пропуская Олгонда в салон.

Начальник промхоза Михайлович сидел за импровизированным столом — пустым фанерным ящиком. Пожал Олгонду руку, протянул "тозовку", разрешение на оружие, отчитал двадцать пачек патронов, ткнул пальцем в журнал — распишись, мол. Пилот пожелал Олгонду счастливой тропы. Легко оторвавшись и набирая высоту, вертолет пошел в сторону Калакана, а Олгонд, весело посвистывая, — к зимовью. Собаки, чувственную приподнятое настроение хозяина, весело прыгали, стараясь заглянуть ему в лицо.

За завтраком вспомнил сон: что-то очень тяжелое и обидное. "Да брось ты, — сказал сам себе, — столько лет прошло. Пора и забыть. Давно пора забыть, что у тебя была семья. Интересно, где они сейчас? Как им может быть?"

День катастрофически сходил на нет: вроде бы недавно покинул базу, а тяжелое красное солнце уже клонится к закату. В сумерках вышел к избушке. Ободрав трех белок, добытых по дороге, двух забросил в котел, где булькала овсянка на корм собакам, третью выпотрошил, отрезав голову, поставил стоймя к трубе печи — вечером похрустит прожаренным беличьим мясом.

На следующий день тяжело груженный Олгонд добрался до верхнего зимовья реки Северной, пригнувшегося под хребтом с заросля-

ми кедрового стланика и россыпями каменных плит.

Снег так и не собрался упасть, поэтому промысел шел плохо. Всего одну соболешку загнали собаки недалеко от зимовья. Ночью, когда Олгонд, наломавшись за день, креп-

Олгонд прилепил ему в лоб из винтовки, перерезал горло.

Обдирая тушу, он разогнулся, посмотрел на громаду замка, крикнул: — Это что, подарок по случаю знакомства, да?

— Да-а-а, — ответило эхо.

— Хороню...

— Все равно я его вытащу!

— Вытаскивай-ай-ай...

Встав на колени, Олгонд начал расшатывать камни, ударяя по ним обухом топора. Работа продвигалась очень медленно.

Александр Разыкин

ЗАМОК ХОЗЯЙКИ БЕРАМИНДЫ

ко спал, свернувшись в самом углу топчана под шинелкой, соболешка, бежавшая по своим делам, выскочила прямо на собак.

Прошарив все таежные ключики, Олгонд решил уйти отсюда за хребет, в вершину Бераминды, куда все не мог дотянуться много лет.

Утро только разгоралось, а собаки, каким-то чувством угадав намерения хозяина, убежали в хребет. Олгонд, выбравшись на перевал по скользким от инея камням, преодолев густой стланик, поразился увиденным. Посреди каменных нагромождений возвышался храм с куполом, порталом и звонницей. Из-за хребта вставал багряный диск солнца, освещая тайгу оранжевым светом, а в ущелье были сумерки. Хаотично стоявшие каменные столбы опоясывали самый исток Бераминды, над которым высилась громада замка, блестящего инеем. Ветер и дождь, колющие метели, время с упорством каменотеса и талантом художника сточили и отсекали ненужное, обнажив дивный храм, сокрытый в камне.

Олгонд закурил. Может быть? сто лет тому назад сюда приезжали на упитанных оленях эвэнки-язычники и поклонялись этому исполину. Возле него стояло несколько обросших лишайником остовов от чумов, валялась разбитая нежно-синяя фарфоровая чашка. Прогоревший медный котел был надет на листовенничную ветку на высоте трех человеческих ростов.

— Так вот где ты живешь, хозяйка Бераминды! — крикнул Олгонд.

"Живу", — отозвалось в щелях каменных плит. "Живет", — подтвердили столбы-охранники. Сорвавшийся от звуков куржачок, блеснув на солнце струйкой дыма, исчез в расщелине скал.

Сказка кончилась неожиданно: из-за округлости замка вылетел табун оленей, за ним с лаем и виз-

— Ну, спасибо! Ага?

— Ага-а-а...

— Да ты разговорчивая!

— Разговорчивая, — раздалось из замка.

У Олгонда мурашки пробежали по спине. Подбадривая себя голосом, спросил:

— Насиделась здесь одна и поговорить не с кем, да?

— Не с кем, да...

Олгонд уже с подозрением посмотрел на замок, решил больше не испытывать судьбу — так можно и умом тронуться. Загрузившись мясом, пошел в зимовье.

Спал в эту ночь крепко, а утром, выйдя на улицу, удивился: тихо кружились снежинки и все вокруг при матовом свете луны было бело. Наконец-то и зима в тайгу пожаловала.

"Ну и дела, ну и хозяйка, вот как она меня одаривает", — подумал Олгонд.

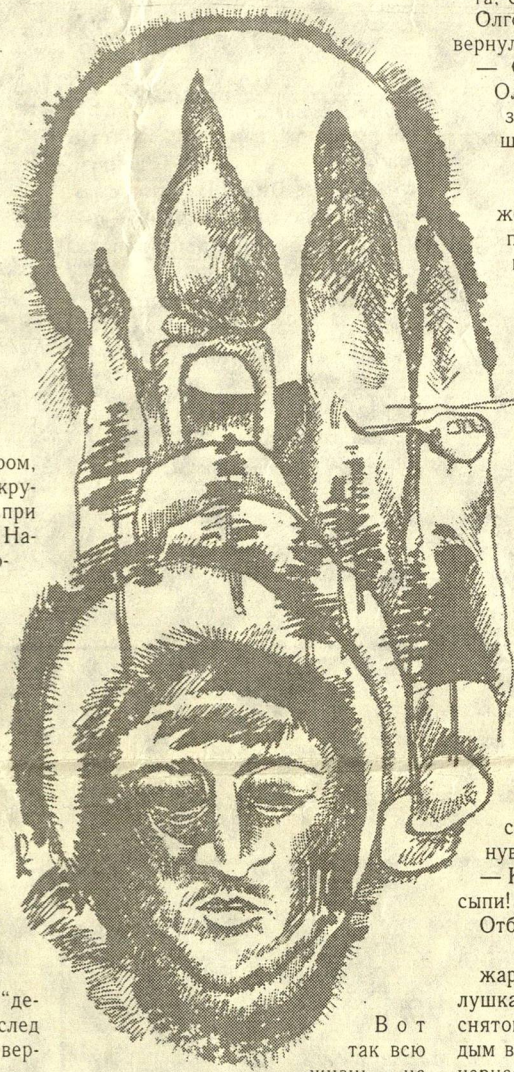
Ободренный снегом, он, чуть рассвело, уже поднимался в перевал. Лайки убежали искать следки. Олгонд вышел на след недавно кормящейся самокки, но звать собак поостерегся: может они ее уже следят. Потихоньку пошел, обреза замкловатые петли. Соболешка заглядывала в пни и валежины, копала мох. Обходя завал, чтобы с другого конца его найти выход след, Олгонд наткнулся на следы своих "девок"-помощниц: они стоптали след соболешки и ушли по нему в вершину ключа.

У чистокровной западносибирской лайки Белки был один недостаток, которому она научила еще и Марту: если не слышит соболя, загнанного в камни, то будет упорно рыть, молчком. Залает только тогда, как он уркнет. Коль соболь молодой, он изредка будет поуркивать на собак, злясь, ну, а если старый, то будет сидеть ни гу-гу.

День разгорался, когда Олгонд нашел собак, отчаянно вливающих хвостами в воронку из камней. Они кружили у груды плит, заталкивали носы во все щели, шумно втягивали воздух. Сбросив рюкзак, Олгонд срезал длинную ветку-шест, начал прощупывать ходы, отталкивая собак, которые теперь мешали. Соболешка заурчала, Марта сразу заскулила, а Белка легла. Она знала, что сейчас хозяин начнет выкуривать соболя, а ей надо зорко следить, где высочит зверек, чтобы перехватить его.

Из рюкзака Олгонд достал скрученную трубкой бересту, поджег, насадил на ветку, дал разгореться, засунул в расщелину, размахивая рюкзаком, начал закачивать дым глубже в камни. Соболь молчал. Береста прогорела. Обухом топора Олгонд начал простукивать камни, потихоньку разбирая те, что поменьше. Спина вспотела, колени замерзли. Проработав с полчаса, Олгонд выкопал небольшую нишу, разжег в ней костер и снова начал закачивать дым в россыпь, но соболь как пропал.

— Поди самого лучшего соболя здесь прячешь? — повернувшись к замку, крикнул Олгонд.

Вот так всю жизнь на

коленях охотник и добывает свой хлеб. Сети рыболовные проверяет стоя на коленях на носу лодки, на коленях берет бруснику, вырубает из корней соболя или дымит его в камнях тоже на коленях, даже костер разжигает, чтобы сварить себе чай, на коленях. На коленях выпрашивает и деньги, заработанные в тайге.

Олгонд долбил и долбил мелкий щебень между глыбами. Вставал, бежал, прыгал, и снова долбил, зло и упорно, добираясь до маленького зверька.

Раньше, если добыл соболя, то заработал, а сейчас мешок пушнины сдашь, порадуешься семизначной цифре в квитанции, а через неделю узнаешь, что цены подскочили в десять раз, и ты за зиму заработал на авиабилет до города.

Наконец соболь заурчал в россыпи, Олгонд достал из шапки трюник, снятый с блесны-тайменевки, прикрутил заячьей петлей к концу длинного прута и потихоньку начал проталкивать его под ближнюю плиту, но соболь забился куда-то в ответвление. Поняв, что достать его бесполезно, Олгонд погрозил замку кулаком. Хозяйка явно надсмехалась над ним.

— Я те, курва твоя мама, если надо, и динамиту принесу сюда, только брызги останутся от твоего замка, — высказал ей свою обиду Олгонд.

День клонился к вечеру. Натаскав валежин и сучин, Олгонд разложил большой костер. Из подсумка достал брусочек, долго правил топор, нарубил кедрового лапника под бока — не

привыкать. Вот только есть нечего. Сколько охотился, никогда не носил с собой обедов — зимой день короткий, жалко время на еду тратить. В кармане рюкзака нашел несколько замороженных кусочков мяса, отдал их собакам. Дым от костра ровно шел вниз по долине, а замок надежно защищал Олгонда от хиуса. Олгонд решил, что утром начнет делать проходку к соболу с другой стороны россыпи. Спать не хотелось, и он крикнул:

— Эй, Бераминда, давай поговорим! — Замок не отвечал. — Обиделась, что ли? Ну ладно, забираю свои слова насчет динамита обратно.

— П-ш-ш-ш, — донеслось из замка.

Олгонд похолодел, собаки бросились, залаяли, наверху загремели камни. Там тенью метнулась кабарга, сама напугавшаяся костра.

Олгонд прикрикнул на собак, они вернулись, улеглись за его спиной.

— Слышишь, — обратился Олгонд к Хозяйке, — отдай мне завтра эту соболешку по-хорошему, а то... — Олгонд замолчал, не зная, чем припугнуть Хозяйку. Что он может? Напишет на нее жалобу председателю сельсовета Селину? — А то я стану самым несчастным человеком на белом севере.

— А что тебе надо для счастья? — тихо прошелестело из расщелины замка.

— Мне? — удивился Олгонд. — Ну, сейчас бы кружку горячего чая и два пирожка с повидлом. — Спохватившись, что так мало просит, он начал торопливо перечислять: — Лодочный мотор, но не "Вихрь", а американский "Меркурий" или японский "Ямаха", мотонарты, но не "Буран", а финский "Линкс"...

— Погоди, — перебила его Хозяйка, — это тебе для работы нужно. Разве работа для тебя — счастье?

Ш-ш-ш-с-с-с... Олгонд проснулся, в сердцах пнул подвернувшуюся под ноги Марту.

— Караул, сучка, выход из россыпи!

Отбрасывая камни, Олгонд расчистил лаз, насыпал туда жару из костра, притрусил гнилушками. Когда густо задымил, снятой шинелкой стал нагнетать дым в россыпи. Соболь вылетел как черная молния. Сначала его схватила Марта, и, дино завизжав, выплюнула из пасти, но соболешка мертвой хваткой вцепилась в нос собаки. Марта по-бабски тонко визжала и каталась по снегу. Подоспела Белка и рванула соболя на себя, обнажив из-под меха его розовую тушку. Олгонд отнял у собак разорванного пополам зверька, мокрого от слюны, окровавленного. Если постирать и зашить — можно обменять в селе на мешок комбикорма для собак.

Поднимаясь в перевал, Олгонд обернулся. Замок, освещенный с востока солнцем, горел ярко-красным цветом. Присыпанный снегом, он блестел и переливался.

— А ты знаешь, что мне надо для полного счастья? — громко крикнул Олгонд. — А чтобы вот этих черных чертей на моем участке всегда было много. Это у меня семисотый!

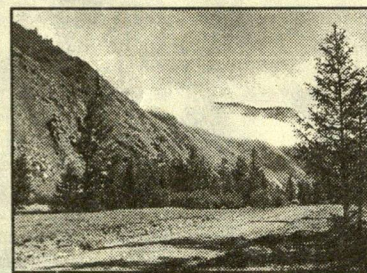
— Семисотый! — удивленно повторило эхо.

— И чтобы всегда на марях жили сохатые, а в увалах — изюбри и кабаны, в речках — хариусы и ленки, а в их устьях — таймени. Ты меня хорошо поняла?

— Поняла, поняла...

— Чтоб моя тайга не скудела и всегда была такой. — Олгонд разгреб ичигом снег, обнажая ягель с брусничником, с силой пнул. На белый снег брызнули, как рубины, кроваво-красные ягоды брусники.

Закинул за плечо винтовку, Олгонд заспешил на призывный лай собак.

Журналист, публиковал рассказы в центральных и областных изданиях. В 1991 году выпустил первый поэтический сборник "Золотая радуга". Автор двух публицистических книг.

Виктор Ещенко

Радуюсь песне твоей предвечной,
Зыбкой надеждою тешусь не раз.
Но — подошел грустный час
незаметно,
Груз расставания, встревоживший
нас.
Впрочем: новы ли минуты печали?
В жизни сильней — испытанья и
злость.
Кто-то сегодня с Хароном отчалил,
Кто-то бежит, как затравленный лось.
Отблеск зари в твою спальню загля-
нет.
Где каждый миг еще полон судьбой,
Снимет всю боль. За собою помянит
Светлой надеждой. Горячей мечтой...

СТАРЫЙ ПАРОМ

Соком весны напоенные грозы,
Сизый подснежник.
Багуловый край.
Детство...
Тебя называют курносом,
сорокалетним ты сносишь,
как рай.
Старый паром.

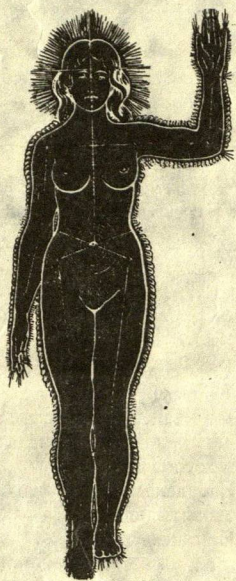
солнцем сквозь прокаленный,
Вниз от села
потихоньку плывет.
Где же та пристань?
Где плес потаенный?
Там наше детство,
я верю,
живет.
Светлое время.
Рыбалка

Марина Молникова

по профессии врач, живет и
работает в селе Усть-Теленгуй,
что на реке Онон. Публикуемая
подборка ее стихов — первое вы-
ступление Марины в печати.

Машина шла. Поэмка через путь
Зверьками белогривыми спешила.
И в спину нам не забывая дуть,
Метелица снегами ворошила.
Она рвалась и белые холмы
Пыталась равным рукавом заглядеть.
Дорогу ту, что выбирали мы,
Она брала в ладони узких падей.
Казалось, шло два снега в этот час:
Один с небес рывками опускался,
Другой с земли вздымался и,
кружась,

С летящим вниз над сопками
сливался.
Мы потеряли времени отсчет.
Соединяясь с небом и снегами.
И, может быть, мы двинулись вперед.
Но думалось, уже вперед ногами.
Смеркалось быстро,
сдвинулись кусты,
Включились фары, празднично,
глазасто,
И вырастал на свет из темноты
Летающий снег
тончайшей белой астрой.

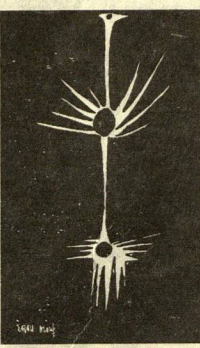

РОМАНС

Предотврати со мной встречу,
Вернись, хотя б с конца пути.
Ты знаешь, счастье — миг,
не вечность.
Предотврати, предотврати.
Предотврати со мной знакомство,
Мечтой останься осветим.
Свое мужское превосходство
Предотврати, предотврати.

Предотврати со мной сближение.
Отсюда рук не развести.
Мое желание и моление
Предотврати, предотврати.
Предотврати со мной разлуку,
Меня убьет ее мотив.
Мою печаль, тоску и муку
Предотврати, предотврати.
Предотврати со мною встречу.
Мне старый груз не донести.
Напрасно-горестные речи
Предотврати, предотврати.

Расплавлена граница окома
Огнем костра на берегу реки.
Распушенная сонная истома
Песок и волны, травы по колено.
Темнеют шапки пышные кустов —
Нет никого, кто мог бы на мгновение
Рассеять одиночество юнцов.
И девочка в купальнике открытом,
Как ласточка, на золотом песке.
Так хорошо им в этом, позабытом,
Заброшенном и диком уголке.
Мальчишка все касается несмело
То ног, то талии, то небольшой груди.
И вот извечно время закипело:
— Ах, уходи!
Ах, нет
не уходи!
Песок и
солнце, кожа
обгорает.
От нежности
приподнялись
соски...
И парень новой
женщине
влетает
В распушенные
волосы цветки.

Окончил естественно-
географический факультет
Читинского государственного
педагогического института.
Пишет стихи со студенческих лет.
Это его первая публикация.

Игорь Остроунов

ШТОРМ

На полотне пилы укладывались ноты,
По лезвию ножа
сползал змеиный яд...
Лукавый хохотал под скрипки и
фаготы.
Натравливал оркестр на свой
фальшивый лад.
Звенели, как клинки, граненые
бокалы.
Над палубой стужив шальные облака.
И тихо краслся он, по краешку пилы,
Невидимую тенью двигалась рука...
И долго затаил, натягивая тросы,
И долго был в снастях,
надрывно призвал,
Но уходили в даль седые альбатросы,
С собою унося осатанелый вал.
А в чашах
добрый ром стоял налитый,
И причащались мы, глотая Aqua vita...

1
Семь раз рожденный ошибался,
Семь смертей не снес оков,

Я не родился — я прорвался
Сквозь мрачный плен чужих грехов.
Где мегаполисы пустыня,
В глухой утробности скита,
Двенадцать раз явилось имя.
Поведена была черта.
И на границе антиподов,
Над девятью мирами зрея,
Явился через сонм уродов
Мираж былой Гипербореи!

Над зеркалом замшелом жизни
Я воздвигаю это знамя.
На ветхой, позабытой тризне
Мне подарили Лед и Пламя!
И выход найден — в чем же дело?
— Его теперь совсем не ждали,
На мир взирало ошалело
Полубабытые скрижали.
В нежданных образах навреде,
Владыку тайн покров открыл,
Вочеловечился в природе
Мой личный жизненный порыв.
Томьями тайны — паутинны
Тысячелетия прежних бремь,
Передо мной — кусками глина,
И холст, натянутый на время!

ПОСЛЕДНИЙ ПАТРОН

Смысл напояния желание драть,
Сквозь круги ада! Не важно уже!
Нам бы немного еще продержаться
Лыдиной кровавою на рубеже!
Нас подхватил с трехкратно силой
Старый, седой, не забытый обет,
Клич боевой, как в полете Валькирий,
Выванный древним пророчеством
Вед!
В прорезь прицела метнулись
как тени,
Еле блеснув позолотой корон,
Знал, что уйдут половомь весенним,
Знал, досылая последний патрон...

Сегодня все мы ощущаем потреб-
ность вернуться к истокам.
Прошлое живет в культурной тради-
ции, прежде всего, в слове. Шедер
русского словесного искусства "Слово
о полку Игореве" всегда привлекало
внимание исследователей и поэтов. За-
бавно, что получили прекрасное издан-
ное перевод, "поэтическое переделе-
ние" знаменитого памятника поэтом
Михаилом Вишняковым. Обращение к
древнерусскому шедевр оправданно.
Человек не может нормально сущест-
вовать, если культура не дает ему пу-
теводной нити широкого мировоззрен-
ческого характера. Человек реализует
себя в культуре. Поэт живет образами

культуры, ее знаками, символами, ее
нравственностью. Классический текст,
соприкасаясь с новым культурным
мыслием, выходит обновленным.
Михаил Вишняков формирует свои
смыслы в диалоге с древней культурой.
Происходит обобщение культур. Текст
являет нам действительные мысли
поэта Вишнякова, его переживания.
Древнерусский язык оказался фокусом,
от которого расходится диалог между
культурами, веками, народами. Сфоку-
сировалось то, что волнует всегда —
последние вопросы бытия. Текст стал
событием авторов и читателей.
Русь была свободною землею:
русам полем, красною зарею,

Людмила Камегина,
доцент кафедры литературы ЧГПИ

ПРЕОДОЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

темным дубом на семи ветрах,
первым станом, первою золою
на крутых днепровских берегах.

Русь была... Утерян тот образ в дей-
ствительности, он остался лишь в куль-
турной памяти. У поэта звучит тоска
по смыслу. Исчезла свобода: человек
превратился в раба вещей, машин, ци-
визации; исчезает красота или пере-
стает замечаться: человеческий мир по-
гружается в хаос и суету; безобразное
вносит в нашу жизнь разрушение и зло;
"темный дуб" уже давно перестал
быть знаком вечной жизни, "мировым
деревом", соединяющим небо и землю,
объемлющим весь космос. Для современ-
ного цивилизованного человека он перестал
"значить" ту "срединность",
которая заключает в себе жизненное
бытие человека; и земное, и духовное
одновременно, те соки живого древа,
которыми питается тело и дух.

Некоторые произведения живут в ве-
ках, в большом времени, оно обогаща-
ется новыми значениями, новыми
смыслами, они переживают то, чем бы-
ли. Некоторые смыслы раскрываются
только в определенных смысловых
культурных контекстах.

Не кружится ты, кречет,
над седой осойкой.
Далеко-далече
Залетели соколы.
Занесли их, белых,
крылая молодцы
в чуждые пределы,
в ковыли седые.
За чужие реки.

за холмы высокие.
И теперь навеки
там остались соколы.
Всех побито громом
в поле незнакомом,
Горький дым полей
стелется над ними.

Нераздельно слито поэтическое и
нравственное. Есть знаки в культуре,
которые остаются вечными на протя-
жении веков. Война на чужой земле —
это знак поражения, неулачи, срама.
ТАМ всегда будет смерть, ибо оставле-
на ТУТ земля-мать, которая принесена
в жертву. Земля плачет по своим ушед-
шим в "чуждые пределы" сыновьям.
События суждено возвращение. Аф-
ганистан и Чечня — "чужие реки" и
"холмы высокие" — соединяются в
единый символ большой жертвенности.

А начало... в гордыне КНЯЗЯ! "Разыг-
ралась воля молодая, разожгла дружи-
ну похваля. И, гремя, ликуя и рыдая,
глас исторгла ратная труба". Уход за
пределы родной земли — это потеря
земли-матери. И гибнет русский воин
"в поле незнакомом".

у крутой излучины Калы,
на Дону... О русская земля!
Ты уже за дальними холмами,
и тебя не слышат сыновья.
На первое место в поэзии выдвигает-
ся понятие ритма. Андрей Белый писал
о ритмах во времени и пространстве.
Ритм — это тоже смысл. Михаил Виш-
няков, следуя закону древнерусского
певца, тоже являет нам разные ритмы
своей поэмы. Особенно удачны места с
песенной мелодикой.

Возвращение в классический текст
особенно актуально сейчас, в пору рас-
цвета постмодернистских изысков, кри-
зиса культуры, когда человеку неуютно
среди хаоса ритмов, примитивизма, эс-
тики "низа", пропагандируемой всей
массовой культурой. Эстетическая не-
вменяемость не рождает талантливого
произведения. Следует искать гармо-
нии в прошлом.

В "Слове" М. Вишнякова мы имеем
дело с авторским, "другим" мировиде-
нием и с тем смыслом, который в его
тексте обрел голос. Встреча двух культур
(древней Автор — поэт конца XX
века) состоялась в осмысленном мире
и наше (читательское) собственное
осмысление бытия включается в эту
ситуацию культурного общения. Анд-
рей Белый, отвечая на вопросы о смыс-
ле жизни, говорил: "Смысл — это
со-мыслие, как со-вещь — это со-вече-
ние, переход вести от одного к другому.
Где этого перехода нет, там мы остаем-
ся бесмысленными друг другу — бессос-
вестными".

Михаил Вишняков, разбуженный
знаками древней культуры, приводит
нам и чувство в со-чувствие,
со-мыслие.

Если петь, так удаль воспевать,
в прошлое и будущее веря.
Это слово про дикое время,
словно септок, с двух сторон сви-
вать.

Круг времени: от древности к нам и
снова в древность; круг пространства,
замкнутый на Руси-матушке; круг па-
мяти — вот что являет нам поэт конца
второго тысячелетия.

Вячеслав Моканши

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ, «ВЕСЕЛЕНЬКИЕ НИЩЕ»?

(Окончание. Начало на 2 стр.)

Вообще, культура (как отрасль) и
просвещение — ветви одного дерева.
Ох, не зря большевики в свое время
всю систему культуры держали в Нар-
компросе.

"Музеи (от греческого храм муз)
— научно-исследовательские или на-
учно-просветительские учреждения,
осуществляющие комплектование,
хранение, изучение и популяризацию
памятников естественной истории,
материальной и духовной культу-
ры".

В начале 70-х годов в мире насчи-
тывалось свыше 12 тыс. музеев, в
1980 г. в СССР — 1526 музеев.
(СЭС, стр. 841).

Музейщики — такие же подвижни-
ки и беспроблемники, как и библиоте-
карки. Попадающее число музеев раз-
мещается в плохо приспособленных по-
мещениях, часто конфликтных, что порою
вызывает конфликты, фонды носят
случайный характер, — это и неизбеж-
но в краеведческих музеях — они, по
определению, всеядны. Выше я выска-
зывался за децентрализацию библио-
тек, но здесь я сторонник централиза-
ции. Во всяком случае, в пределах Чи-
ты.

Краеведческий музей на грани гибе-
ли — здание сгнило, а реконструкция
идет с трудом. Художественный музей
по существу таковым не является, а
работает как выставочный зал, музей
декабристов слишком мал, чтобы быть
самостоятельной единицей.

Хотелось бы, чтобы власть преде-
ржащие осознали, в системе культуры
как отрасли, музеи должны остаться
одним из важнейших приоритетов. Му-
зеи и библиотеки — это депозитарии,
хранители памяти. Это — научные уч-
реждения, и отношение к ним должно
быть соответствующим.

Учебные заведения

Это — училища культуры, музы-
кальные и много музыкальных, поме-
щать художественных и невозможно —
школ искусств. В них в последние го-

ды значительно уменьшилось число
учащихся — высокая родительская пла-
та. Этот, может быть, решающий ва-
жный для будущего, раздел деятельно-
сти культуры, как отрасли. Но нынеш-
нее обучение по видам искусств не яв-
ляется плодотворным.

Со временем должны быть образо-
ваны преимущественно школы искусств.
И в программах для детей должно быть
все. Да, у этой девочки специальность
— фортепиано, но она должна изучать
и начала истории искусств, и элемен-
ты балета, и пройти минимальный курс
рисунка. Это вам ничего не напоминает?

Так учили детей в образованных дво-
рянских семьях. И к названному до-
бавляли стихосложение (не поэзию,
нет), просто стихосложение, да еще и
домашние спектакли ставили.

Без такого комплекса нет образова-
нного российского интеллигента. Анд-
рей Кучерявенко как-то обозвал меня в
статье "люмпен-интеллигентом". Я
сначала разобиделся, а потом понял —
он прав, и сам не осознает насколько
прав! Действительно, рисовать я не
умею, танцевать не умею, языков не
знаю, пою плохо. Как, впрочем, и
Кучерявенко. Что же я за интелли-
гент? Так учили.

35 лет назад мне довелось работать
в маленьком Борисоглебском театре в
Воронежской области с бывшей фрей-
линой Марией Федоровной Волковой,
сухой, костлявой, желчной, но добрей-
шей старухой, прямой наследницей од-
ного из графов Орловых. На всю
жизнь запомнил ее афоризм:

"Советский интеллигент — это чело-
век с высшим образованием... за выче-
том гимназического курса".

Подготовка людей к профессиям в
сфере искусства должна быть ком-
плексной, поскольку, как писал Ильф,
"таланты водятся стайками". Особенно
важно это на этапе начального и сред-
него образования. Представляется
важным объединение музыкального и
культуры училищ в одно Училище Ис-

кусств. Создается среда. Для людей,
занимающихся искусством, среда и об-
щество не менее, а, может быть, и бо-
лее важны, чем учебный процесс.

Области, как воздух, необходим ВУЗ
культуры и искусства. Его появление в
корне переменило бы интеллектуаль-
ный климат города и области. Еще в
1971 году было принято постановление
Совмина о его создании. Городу нужно
было найти помещение и не очень мно-
го квартир. Все остальное брал на се-
бя Российский бюджет. Не нашли. Те-
перь много сложнее. А делать — надо.

Театр — от греческого — место
для зрелищ (зрелище).
(СЭС, стр. 1306).

В Советском Союзе их было около
600. Сейчас, наверное, больше. Если
же все 600 были государственными, то
теперь есть всякие. И это хорошо. У
нас — два. Государственные, работают
весьма успешно. Трудно предпола-
жить, что в обозримом будущем в Чи-
те и области возникнут новые театры.

У нас нет музыкального театра — а
в Чите его очень любят. Может быть,
можно было бы начать с создания му-
зыкальной труппы в системе драма-
тического театра? И еще одна проблема,
более важная, требующая незамедли-
тельного решения: есть один возраст-
ной слой, который не знает театра, как
и многих других эстетических влия-
ний. Это, так называемый отроческий
возраст. Если для маленьких работает
и кукольный театр, и ставит сказки
драматический, а 15—17-летние хо-
дят на взрослые спектакли в драму, то
9—14 лет — поле не возделываемое.

А всякое поле, если его не обрабаты-
вать, зарастает сорняками. Нужно
срочно создавать при кукольном теат-
ре небольшую драматическую труппу
клубного направления. Она должна
ориентироваться на классику, прежде
всего — программную.

И еще — драматический театр ну-
жно ставить на реконструкцию. Он по-
лох построен — говорит, что наш театр
— единственный в мире из силикатно-

ку кирпича. Зданию — 25 лет. Все про-
гнило, "начинала" — архаичная, сковы-
ная, не менее, а, может быть, и бо-
лее важны, чем учебный процесс.

Области, как воздух, необходим ВУЗ
культуры и искусства. Его появление в
корне переменило бы интеллектуаль-
ный климат города и области. Еще в
1971 году было принято постановление
Совмина о его создании. Городу нужно
было найти помещение и не очень мно-
го квартир. Все остальное брал на се-
бя Российский бюджет. Не нашли. Те-
перь много сложнее. А делать — надо.

Дословно "филармония" — это со-
единение двух греческих слов: любовь
и гармония.

Вот с этим сложнее. Имею в виду с
любью и гармонией. Кроме государ-
ственных концертов альтернативные
концертные организации, чисто ком-
мерческие. Филармония должны сами
выдавать творческую "продукцию", ор-
ганизовывать ее прокат (наша — по
всему СНГ), принимать артистов из
других регионов и стран и организовы-
вать их концерты, быт, если эти звез-
ды — то и потакает некоторым их при-
хотям.

В нашей филармонии два собствен-
ных коллектива классического направ-
ления — всем известный ансамбль им.
Будашкина и детский музыкальный
лекторий, который мы потихонечку
преобразовываем в детский камерный
музыкальный театр, поскольку лекции
(в том числе и лекции-концерты) из
жизни практически исчезли.

Кроме этого, работали в прошедшем
сезоне 12 детских эстрадно-цирковых
групп. Вот они-то каторжно и работа-
ют по всей стране.

Вообще, по-моему разумнее, кон-
цертное дело в стране чинить. Особен-
но его классическое направление.
Мыслимо ли дело в наше время при-
вести в Читу из Москвы симфониче-
ский оркестр в 60 человек (своего у
нас нет), если билет на одного артиста
стоит в два конца три с половиной
миллиона рублей? Вот и работаем с
индивидуальными исполнителями.
Преобразовать ансамбль им. Будашки-

на в оркестр — нужно, целесообразно
и перспективно. "Виртуозы Читы", как
их назвала одна из газет — коллектив
мирового класса. Это — не преувели-
чение. Очень жаль, что наши власти
этого не понимают. Тратят сумасшед-
ные деньги на гастроли за рубежом
блудамейных коллективов, а для
будущих не могут найти денег на
новые бани. Стыдно.

Эстрада исчезла. Имею в виду "ря-
довую", но вполне добротную профес-
сиональную эстраду. Помните "сбор-
ные" концерты? И конференции, и пе-
вец (певца), и т.п. Этого теперь нет.
Не только у нас — нет вообще. Рабо-
тают звезды, звездочки и... Подавляю-
щее большинство из них поют трудно
сказать каким местом, по термину уже
употребляющему Ильфа они "маловысоко-
художественны". "Раскрученные" на
ТВ с помощью "спонсоров", они кочу-
ют по стране, запрашивая гонорар чуть
ли не на уровне Джексона и Мадонны,
ведут зачастую себя так же как они. И
мы вынуждены платить, закатывая та-
кие цены, что у зрителей аж дух захва-
тывает.

"Творческие союзы, в СССР добро-
вольные общества, объединяющие
лиц по творческим профессиям".
(СЭС, стр. 1306).

Их теперь по стране, как академий,
и не счесть. В области — шесть —
концертных, театральных деятелей, ар-
хитекторов, писателей, художников,
журналистов. Все влачат скудное су-
ществование. И, если члены союзов ар-
хитекторов, театральных, концертных
деятелей в большинстве своем работа-
ют, "служат", пусть на копейном, но
жалованью, то художники и писатели в
раночную жизнь вписываются с тру-
дом и подчас просто нищенствуют. В
промежуточном положении журналис-
ты — особенно в районах. Мы един-
ственные в России, объединились в Кон-
федерацию.

Как говорят "Семером и батьку бить
можно".

В индивидуальном творчестве дол-

жен произойти естественный отбор, и
потери неизбежны. Но! Этот отбор не
должен быть слишком жестким. Уйти
должны только очевидно бездарные и
непрофессиональные люди. Именно в
таком сочетании: и бездарные, и не-
профессиональные, пролезшие в свое
время только на идеологии, конфор-
мизме и лизании совершенно опреде-
ленных частей руководящих тел.

Часто приходится слышать — зачем
стране десять тысяч профессиональ-
ных писателей, двадцать тысяч худо-
жников? И следует анекдот: председа-
тель Тульского Союза писателей отзы-
вается: сейчас у нас 27 членов Со-
юза — в 27 раз больше, чем в 1907 го-
ду — тогда был только один. Это Лев
Толстой.

Что ж, забавный анекдот. Однако
мы дороже глубочайшая мысль И.
Эренбурга (выросло целое поколение
его не читавшее): картина Рембрандта
стоит так дорого не потому, что она
столько стоит, а потому, что в ее цен-
ность вошла стоимость тысяч картин, ко-
торые никто никогда не купил, написан-
ных художниками, о которых никто не
помнит. В настоящем лесу должны
быть и травы, и кусты, и деревья — ис-
полнены. Одно без другого не живет.

А как сделать, чтобы отбор не был
жестким и жестоким? Помогать. Начи-
нающим — для будущего. Старым — в
благодарность за прошлое. Помогать
адресно и конкретно.

Управление и финансы

Есть бюджетная отрасль — есть
управление. Все правильно. И пусть
себе управляет. Хотя это делать стало
сложно. Все, что не финансируется из
областного бюджета, что за пределами
областного центра и многое всего, что в
его пределах, фактически стало не
подотчетным и не управляемым управ-
лением культуры. Старая истина —
кто платит за обед, тот заказывает му-
зыку.

Двадцать лет назад я был первым и
единственным заместителем начальни-
ка управления культуры. А ведь в те

времени управление утверждало шта-
тные расписания и сметы всех государ-
ственных учреждений культуры, под-
черкиваю, всех — до каждого сельско-
го клуба и библиотеки включительно.
Это было около двух тысяч учрежде-
ний. И ими управляло. Работы сейчас
стало, очевидно, меньше. А чиновни-
ков, очевидно, больше. Только заместит-
елей три.

Неладно и то, что управление живет
лучше, чем подведомственные ему уч-
реждения — с точки зрения ремонта,
обустройства, оборудования и прочего.
Но это — между прочим. Красиво
жить не запрещать.

Культура, как понятие широкое, не
отраслевое, включает в себя культуру
как отрасль, просвещение, искусство,
литературу, архитектуру, прессу, сис-
тему кинопроката, спорт, экологию,
науку, туризм, рекламное дело, радио
и телевидение, ну, наверное, что-то еще.

По моему глубокому убеждению, все
эти сферы деятельности должны коор-
динировать комитет по культуре при
главе администрации, возглавляемый
специальным его заместителем.

За 35 лет работы из перечисленных
выше видов государственных учрежде-
ний культуры и искусства я не работал
только в музее, библиотеке и сельском
клубе. Даже в Доме офицеров и то
сподобился. Может быть, мои размыш-
ления, прогнозы и предложения не во
всем верны... Однако, они искренни,
честны и доброжелательны.

Так что же дальше, бывшие "весе-
ленькие нищие" (для тех, кто не знает
— так мы себя называли в эпоху "ку-
хонной" политики), сегодня просто ни-
щие? Будем жить с верой и надеждой
в то, что пройдет не слишком много
времени и из формулы — "веселенькие
нищие" уйдет слово "нищие", и оста-
нется бодрое, уверенное — "веселень-
кие". Весеелье.

КАЛЕНДАРЬ ПАМЯТИ

Ирина Куренная

ТРЕТИЙ ПУТЬ

Значительный след в забайкальской истории и русско-китайских отношениях, а также в исторической документалистике края оставила экспедиция 1693 года. Это был караван русского посольства Петра I во главе с посланцем Избрантом Идесом. В его задачу входило упрочение торговых отношений и урегулирование прежних вопросов, не решенных Нерчинским договором 1689 года.

Путешествие продолжалось с 14 марта 1692 года до февраля 1695 и осталось в истории международной дипломатии как крупнейшее событие века, благодаря изданной в 1704

году книги И. Идеса "Трехлетнее путешествие в Китай, совершенное Московским посланником Избрантом Идесом". Книга, отпечатанная в Амстердаме, была великолепно оформлена: с картами, гравюрами типажной народностей Сибири. Часть страниц отведена Восточной Даурии, ее этнографии, географии, истории.

Посольство Идеса перевалило на Амур путем, который Е.С. Бахрушин назвал третьим: "Действительно, Избрант совершил путь от Ундинска Селенгою и через Байкал в одни сутки".

Далее экспедиция следовала мимо Телемы на Ингоду и на Шилку к Нерчинскому острогу. "...20 числа — пишет автор — мы благополучно, прибыли в Нерчинск. Город довольно сильно укреплен и в нем много металлических пушек, имеется здесь также большой гарнизон даурских казаков, пеших и конных".

Есть в книге и описание селения будущей столицы Забайкалья: "Нам пришлось задержаться на несколько дней в деревне Плотбище, лежащей на реке Чита, отчасти, чтобы дать отдохнуть животным и отчасти, чтобы сделать плоты, на которых мы могли бы спуститься по реке Ингоде и Шилке до Нерчинска. Река здесь повсюду мелкая, и на ней нельзя пользоваться никакими другими судами. Что касается плотов, то даже на них оказалось трудно пройти через каменные места — в пути два из наших плотов разбились, и нам пришлось немало помучиться, чтобы спасти свое добро".

Уже в 1696 году, когда экспеди-

ция возвратилась в Петербург, записки царского посла были изданы в Германии на немецком, а затем латинском языках.

Русская публикация записок была осуществлена Н.И. Новиковым в 1789 году.

Один из участников экспедиции — Адам Бранд — занимал должность секретаря посольства. Независимо от И. Идеса он подготовил свое описание путешествия, которое издал в Западной Европе.

Один из предубежденных иностранных исследователей русского продвижения на Восток в XVI—XVII веках Д. Бадели в книге "Россия, Монголия, Китай" (Лондон, 1919) писал: "Через четыре года после Нерчинского договора последовало по одной из странных прихотей Петра неудачное посольство голландского купца Избранта Идеса, посланного с миссией в Китай. Путешествие получило мировую известность благодаря вышедшим в свет описаниям его, одно из которых

было тайком опубликовано его секретарем Адамом Брандом, другое позже — от имени самого Идеса — Витсеном".

В наше время издательство "Наука" опубликовало совместную книгу И. Идеса и А. Бранда "Записки о русском посольстве в Китае (1692—1695)", с вступительной статьей и блестящим новым переводом с голландского языка (И. Идеса) и немецкого (А. Бранда) — М.И. Казанина.

Кроме того ученый осуществил серьезное исследование обоих памятников и поместил богатейшие иллюстрации из голландского издания И. Идеса. Переводчик распределил материалы И. Идеса и А. Бранда вперемежку одно с другим. После отрывка записей И. Идеса следует отрывок из книги А. Бранда, касающийся того же участка пути. По мнению М.И. Казанина, "читатель имеет возможность сравнить два разных источника, чаще всего дополняющих друг друга, хотя имеющих расхождения".

Самолет

В этот день мужики с самого утра сидят у здания аэропорта. Ждут самолет с грузом — водкой. Тофы смотрят на вершины гор, шуря и без того узкие глаза. Тофы (или тофалары) — это народность северная, схожая с эвенками.

Горы далеко, но такие высокие, что кажется — подступают к самому аэродрому. Взгляды скользят по сизой щетине лесов, остроконечным скалам и упираются в голубое небо. Вот-вот появится серебристый крестик и послышится рокот.

Вышел начальник аэропорта, обвел взглядом взлетное поле в пучках травы, длинную изгородь, красно-белые флажки.

Мужики нервно поежились. Там, в здании, у начальника — кабинет с полированным столом и мягким креслом. А в зале, где маются два пассажира, стоят разлапистые листья в кадках, тепло. Но туда нельзя заходить — ругается. Были бы они пассажиры — другое дело. Все законно. Билет. Одежда нарядная. Сумка там или рюкзак — сразу видно — человек в город собрался...

Когда и прилетит этот самолет! Вон и подвода готова, стоит неподалеку. Конь уже привык, не пугается так сильно рева приземляющегося чудища. А там выгрузят долгожданные ящики и мужики, держась руками за края подводы (тут хоть ругайся продавец, хоть нет — бесполезно), проводят ценный груз до магазина. А вечером село будет пьяным. Праздник.

Тофы давно живут в домах, но почти в каждом дворе чум стоит. Жерди, покрытые оленьими шкурами. На земляной под бровен какой-нибудь засаленный ковер. Да и в доме обстановка не богаче. Тряпье на кровати, кое-какая посуда на столе. Ребятишкам из бедных семей (а таких большинство) перед школой от комитета дают одежду и стригут наголо...

В селе своя пекарня и "электростанция". Движок, то есть. Свет только до двенадцати ночи. Потом отключают.

По ухабистым улицам ездит, громко рывкая, гусеничный трактор. Маленькой, я страшно боялась его и пряталась под столом, пока не пройдет.

А связь с внешним миром — самолет. Небольшой, пассажиров на восемь, не считая пилотов. Мы с мамой летали как-то в больницу, в Нижнеудинск. Сначала было страшно, но интересно. За квадратными окошками качались лесистые крошки гор. Потом началась тряска и нам дали зеленые бумажные пакеты. Мне казалось, что у них и запах такой — чтобы скорее вырвало. Потом увидела такие пакеты в магазине и удивилась — тут то они зачем? Чтобы покупателей тошнило?

Пожар

В ту зиму мне было шесть, сестренке пять лет. Помню, мама вымыла пол, настелила домотканые половики, валеночки поставила на приступок печки.

А ночью нас разбудили. Валенки были теплыми, а пуговицы пальто никак не хотели застегиваться под торопливыми маминими пальцами. Света не было, но комната была оза-

Наводнение

Все ребята купались летом в ручейке. Рядом со старой баней. Нас, малышня, пугали конским волосом, но мы, поборов страх, снова лезли в воду. Моя ровесница, шестилетняя Маринка Шибкеева водилась с младшим братом. Сидела его, голозадого, на траву и полоскала рядом с купальщиками очередные штанишки. Она всюду таскала брата с

ИСТОКИ

АЛЫГДЖЕР

рена необычным трепетным красноватым светом.

Сестру и меня вывели во двор. Горел соседний дом, от нашего дома его отделял небольшой огород. Отец убежал на пожар, захватив ведра. Там, у огня, сутились тени, в темноту красиво взлетали искрящиеся головешки, было здорово и тревожно. Мама металась — выносила вещи. Какая-то соседка отчаянно колотила в окно с улицы — думала, мы еще спим. Мама подскочила к окну, держа в руках ящик от комода и, не рассчитав, задела ребристой крошкой стекло. Оно с треском рассыпалось, и соседка унялась.

Потом говорили все, что на наше счастье ночь была удивительно безветренной и дом сгорел, как свечка. А причиной пожара была керосиновая лампа, опрокинутая пьяным тофом на ковер в чуме, стоявшем во дворе. Как должно быть горел тот ковер!

Позже мы с сестренкой, презрев мамин запрет ("Свалитесь в какое-нибудь подполье!") бродили по пепелищу. Стоял непонятный запах и сердце билось. Кругом торчали только проволока и обгорелые гвозди и ничего, чем можно было поиграть, мы не нашли.

Много лет спустя мама катила на железном противне в тепляке землю для рассады. И я примчалась на этот жуткий и волнующий запах. "Чем пахнет?" "Горелой почвой!" — пожав плечами, сказала мама. Я вспомнила. Это был запах пожара.

Новый год

Алыгджерская школа была большая, трехэтажная, новая. На первом этаже — спортзал. Там новогодние праздники проводились.

С чьей-то легкой руки любимым новогодним костюмом был "Черт". Каждый год приходила целая армия чертей — в черных тренировочных костюмах, с веревочными хвостами, с рогами всевозможных размеров, с вымазанными сажей рожами. Черти, Дед Мороз и Снегурочка. Ничего себе Новый год, да?

с собой, и нами это воспринималось, как само собой разумеющееся.

Мальчишки постарше баловались с ванной, опрокидывая ее над водой вверх дном. Один раз во время этих забав сестренка моя, Лена, чуть было не утонула. Мальчишки ее вытащили, привели в чувство и наказали не говорить маме. Самостоятельные дети были, что и говорить.

А за селом, вдоль темной таежной стены, катила волны холодная, широкая Уда. Горная река, коварная, каменная. Взрослые ездили по ней на моторках. Мы любили лазить по этим звонким, теплым лодкам, лежащим на берегу. Берег был усыпан крупной галькой. Мы стучали камнем о камень, "добывая искры", а потом нюхали — после ударов камни пахли дымком.

Всюду валялись причудливые громадные коряги. Фотография сохранилась: сидят на такой коряге две воспитательницы — моя и Ленки. До драки дело находило, когда выясняли, чья лучше.

Зимой наш детский сад водили гулять на речку. Под ногами — несколькометровая прозрачная жуть. А стукнешь камнем — во льду замирают разноцветные вспышки.

Вдоль берега тянулась высокая насыпь. С нее зимой каталось все детское население села, причем обычно на кабароженных шкурах, теплых и прочных, конх навалом было в любом доме. Шкура уносила далеко, чуть не до середины реки.

...То лето выдалось небывало дождливым, и насыпь не удержала село. Началось наводнение. Помню, отец поставил в сенях лестницу и ножовкой выпилил в дощатом потолке квадратную дыру. Через нее на чердак подняли узлы с бельем, книги, раскладушку... В опустевшем доме стояли голые кровати, столы, шкаф. Началось великое приключение — мама, папа, сестра, я и приехавшая не вовремя погостить бабушка,

перебрались жить под самую широкую крышу.

Снаружи творилось небывалое. Банька, у которой мы так любили играть, стояла в низине, и теперь ее сокрыло водой вместе с трубой. Вода подбиралась к нам по огороду, медленно перетекая через рядки с картошкой. Накопится в одном рядке, и — бульк, бульк — неудержимыми ручейками перебегают в следующий. Отец ходил, ставил колышки — замерял уровень воды и скорость движения.

Дорога и пространство над баней превратилось в бурлящую мутную реку, по которой непрерывно плыли бревна, полешки дров, деревья со вздыбленными корнями, ветхие стачки, на которых кудахтали мокрые куры, а в одной плавучей избушке визжал поросенок.

Среди местных жителей жертв было три: двое мужиков поплыли на лодке домой к третьему — спасти самогон. Спасли, и распили на месте. А на обратном пути не справились с управлением...

Вода, дойдя до завалинки, вдруг остановилась. А вскоре понемногу пошла назад, превратив огород в подобие дна осушенного моря: рядков

Ольга Коваленко

Окончила Читинский педагогический институт. Живет и работает в Акше. Три года назад, пройдя по конкурсу, поступила на заочное отделение Литературного института имени Горького в Москве. Первая книжка стихотворений вышла в 1993 году.

не было, как маленькие осьминоги, всюду валялись, опутанные тинной, красные и желтые картофелины.

Дома было сухо, но в подполье воды — под крышку. В погребе во дворе вода затопила верхнюю ступеньку. Черная, мерцает. Там дно, казалось, нет.

Вскоре мы с мамой пошли искать корову. За день до наводнения все коровы, переплыв реку, ушли в лес. Об утонувших собаках, что не были на привязи, я тоже не слышала...

Мы шли берегом реки и ничего не узнавали. Очертания берегов изменились. Везде валялись деревья, вырванные с корнем. На тех, что уцелели, — грязь, ил, тина, травы — выше роста взрослого человека. Фантастическое зрелище.

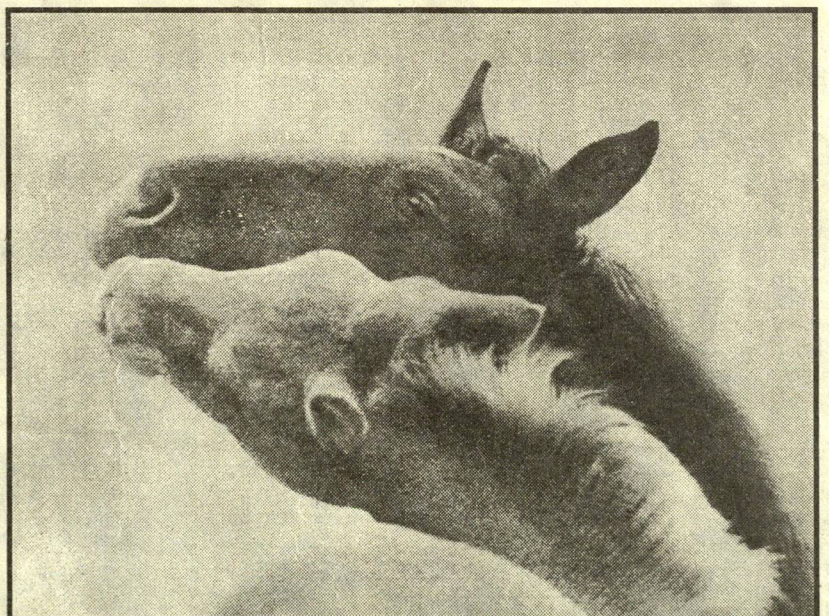
Корову мы, конечно, не нашли. Она пришла на третий день, с распухшим выменем.

Золотая рыбка

Был клуб, где силами местной молодежи даже спектакли ставились. Мы, малышня, смотрели как-то "Сказку о рыбаке и рыбке". Рыбка была толстая, в блестящем желтом платье.

Нарисованное море волновалось, потому что кто-то за сценой отчаянно трепал край холста. А Дед с Бабкой ютились в подобии чума, сооруженного из старых рам.

Тем не менее, сказка очень понравилась и долго снилась по ночам. Особенно рыбкино платье.

Георгий Траубин,
Засл. работник культуры России

РОЖДЕНИЕ

В январе 1965 г. мне позвонил первый секретарь Читинского обкома ВЛКСМ Дуфар Ахметов.

— У тебя, вроде бы, выходит книга в "Молодой гвардии". Случайно не знаешь ее директора?

— Случайно знаю. С Юрием Серафимовичем встречался несколько раз. Что-то случилось?

— Он приехал проводить отчетно-выборную конференцию. Заказан обед на курорте Кука, хочу показать окрестности. Через десять минут выходи.

Через десять минут я был возле магазина "Темп". Подкатила машина. Юрий Серафимович был в хорошем расположении духа, глаза за стеклами очков дружелюбно прищуривались. Сказал, что город ему понравился. А все остальное, как в моей книжке "Чем пахнут ветры", верстку которой он взял с собой. Медведи и меховых лыж он, конечно, не увидит, но хоть на закрайке нашей тайги постоит, послушает зимнюю тишину.

Разговор перетек в литературное русло.

— Летом наше издательство проводит в Хабаровске семинар молодых. Приглашаю быть одним из руководителей — предложил Мелентьев.

— Спасибо, но, — ухватился я за внезапно мелькнувшую мысль. — Хабаровск хорошо, а Чита лучше. Потому что здесь не забыты традиции двадцатых годов и жива преисправленность.

Через два месяца состоялся второй съезд писателей Российской Федерации. Не знаю, за какие заслуги, но меня избрали членом Правления. После окончания съезда правление и ревкомиссию задержали. Семьдесят секретарей (столько было в России писательских организаций) молча сидели в зале. Председатель Правления Леонид Соболев ходил перед нами и произносил нескончаемый монолог. Разное было там: нужные серьезные предложения. Семинар молодых писателей в Новосибирске открыл дорогу в большую литературу нескольким провинциальным писателям. На Дону создана крепкая организация. В Москве начало работать российское издательство. А теперь все остановилось. Ни предложений, ни новых действий. Прошу внести предложения.

В зале начались перешептывания, но никто не просил слова. Секретари безмолвствовали. Тогда мысленно перекрестившись и толкнув под локоть Марку Сергеева: "поддержи, если что?", я поднялся. Соболев с интересом посмотрел на меня, не без лукавства изрек:

— Вот сибиряк сейчас предложит такое, что...

— Да, хочу предложить. Ломоносов сказал, что будущее России будет прирастать Сибирью. Сибирь уже сейчас дает больше половины всего того, что добывается в России. Некоторых богатств в ней не счесть, их откроют геологи. А Союзу писателей надо открыть литературные клады. В каждом писательском отделении за Уралом есть молодые таланты. Надо провести всесибирский поиск талантов, организовать большой семинар в Чите. Чита готова принять сто молодых писателей. Руководителей семинара может прислать любая область: в каждом отделении есть деньги на командировки. Соболев спросил озабоченно:

— А где возьмем деньги на молодых? Нет не только денег, но и людей, чтобы проверить эту машину: перелопатить уйму рукописей, перепечатать, организовать пересылку по кругу.

— Командировку молодых писателей и перепечатку рукописей могут взять на себя обкомы комсомола. У них есть деньги. А пересылкой мы могли бы заняться сами.

— Мы никогда не работали с комсомолом. Поддержит ли комсомол?

— На этот вопрос отвечу минут через десять-пятнадцать, позвоню по важному телефону.

Недоверчивых ноток в голосе Соболева больше не было:

— Перекур, господа хорошие, через пятнадцать минут продолжим.

Я достал записную книжку, нашел номер Мелентьева. На счастье, он оказался у себя в кабинете. Я сказал, что хабаровский семинар можно превратить в зональный, поскольку Соболев "за". Если он тоже "за", хорошо бы приехать и выступить.

Юрий Серафимович не стал разыскивать секретарей ЦК, а приехал минут через двадцать пять. Его терпеливо ждали. (Еще бы — директор издательства, в котором каждый мечтал выпустить книгу). Сказал коротко, деловито:

— ЦК комсомола целиком поддерживает идею. Мы подклочим к подготовке все обкомы, местные молодежные газеты, "Комсомольскую правду". Такой семинар будет полезен политически и практически.

Тут же, в кабинете Соболева, решили подготовить совместный проект решения Правления Союза писателей и секретариата ЦК. Сочинить его поручили мне и консультанту союза Валентину Глушенко. Глушенко, редактируя бумагу, все время заменял литературные обороты на бюрократические:

— В казенных бумагах все должно быть лаконично, сухо, конкретно. Вот так: "В целях выявления молодых литературных сил и оказания им практической помощи, провести 5 — 10 сентября 1965 года семинар молодых писателей Восточной Сибири и Дальнего Востока в г. Чите. Обязать..." и далее шло, кто что должен делать.

В Чите Дуфар Ахметов обрадовался совместному постановлению: в важной бумаге прозвучало имя его обкома. Дано особое поручение.

Тут же потащил меня ко второму секретарю обкома партии Тартышеву, поскольку первый был в отъезде. Тот, позвав третьего — Ревника, сказал мне, озабоченно потерев переносицу:

— Задали вы задачу. Теперь всем чинцам придется отработывать часы на строительстве гостиницы "Забайкалье". Иначе ваших писателей и разместить негде.

Во все писательские организации и обкомы комсомола от Красноярска до Петропавловска-Камчатского мы с Дуфаром отправили совместные письма. Просили к первому мая прислать отобранные и перепечатанные рукописи. И вот в читинское отделение Союза хлынул поток банделерей...

Рукописей было так много, что они лежали на столе и диване, и даже на полу. Два экземпляра уходили в Москву к Глушенко. Он пускал их по кругу прозаиков и поэтов, которые поедут в Читу. Два эк-

земпляра отправлялись гулять по Сибири и Дальнему Востоку. Леониду Решетникову я писал в Новосибирск, чтобы полученную рукопись стихов участника его семинара он к десятому мая переправил в Иркутск Марку Сергееву. Марк, прочитав, должен к двадцать пятому переслать в Улан-Удэ Николаю Дамдинову. Тот, в свою очередь, зашлет ее в Якутск Протодьяконову. А тот отправит ее в Хабаровск, к Дракохрусту. Поименно были расписаны все семьдесят рукописей.

Наконец, все приготовления к семинару остались позади. На завершение строительства гостиницы выходили целые коллективы — после работы и в выходные. Я старался обходить ее стороной, чувствуя себя перед горожанами виновным.

Борис Хаймовский ходил гордый и сказал, что уже заказал ключ от гостиницы для торжественного открытия. Были определены, вычищены и выскоблены помещения для проведения творческих семинаров: в мединституте, в облсполкоме, в отделении Союза писателей. При гостинице сформирован круглосуточный комсомольский штаб во главе с Виктором Поляковым и Володи Петровичем. Я тоже переехал в гостиницу. Военторговская столовая на время семинара становилась нашей кормилицей, в аэропорту и на вокзале назначались дежурные для встречи гостей. Открывать семинар решили в большом зале ДОСа с приглашением горожан. С директором ресторана обсудили меню прощального ужина. Я просил, чтобы было побольше местных деликатесов — рыжиков, груздей, брусники, даже кедровых орехов. Должны быть, конечно, сибирские пельмени, а жаркое хорошо бы приготовить не из говядины или свинины, а из лосяного или изюбриного мяса. Пусть почувствуют, что мы живем в таежном краю.

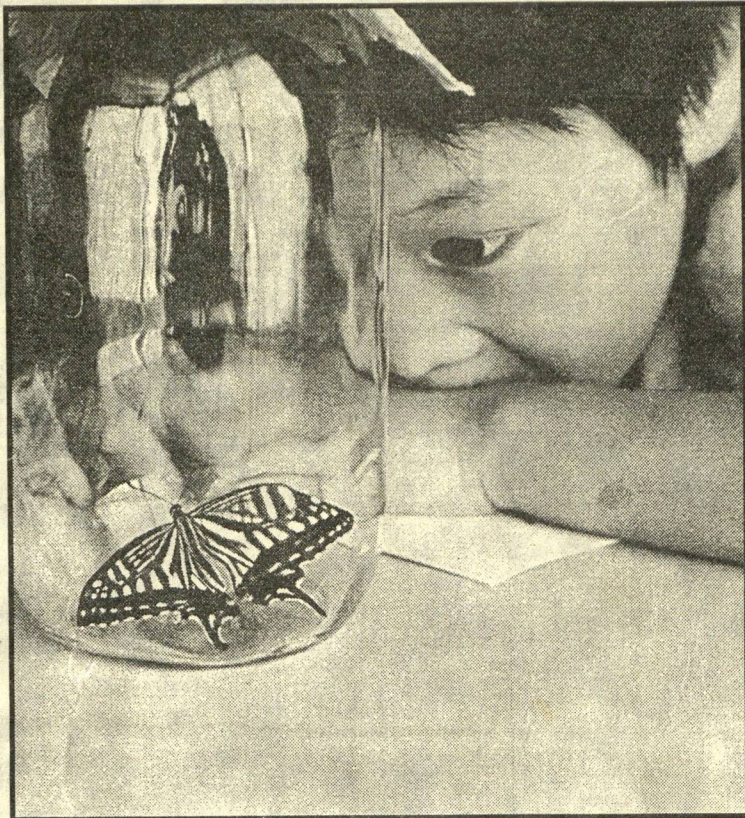
Пятого сентября на главной площади города было не протолкнуться. Сюда пришли и приехали десятки тысяч людей. Облкомгиторг, облпотребсоюз и "Военная книга" вывезли все лучшее, что было на книжных базах. Были поставлены десятки прилавков, над площадью висели разрисованные шары-зонды, которые дали метеорологи. Из конца в конец площади, расталкивая людей, ходили скроморхи с шутками-прибаутками, которые мы сочинили заранее. Зывались предлагали книги, а на закуску пироги с черемухой, грибами и черемшой, на многих столах стояли пузатые самовары. Играл духовой оркестр, повсюду было море цветов.

Вскоре на трибуну в центре площади поднялись гости, среди которых было много именитых. А вместе с ними и молодые, сибиряки и дальневосточники.

Рядом с известной Антониной Коптяевой стоял пока еще малоизвестный Виктор Астафьев. Костюмовский вплотную придвинулся к Соболеву, загоразив молодую "иркутскую стенку". Сергей Иоффе, Валентин Распутин, Александр Вампилов, Дмитрий Сергеев и Геннадий Машкин всюду держались вместе, не отходя ни на шаг друг от друга. Рядом с могучим Анатолием Чмыхалом, Красноярским секретарем, тшудный Марк Соболев казался чуть не ребенком. Он стоял скромно в сторонке, что-то шепотом рассказывал Яше Акимову и Дмитрию Ковалеву.

Одиннадцать молодых писателей по рекомендации читинского семинара были приняты в Союз писателей, а после его закрытия сто известных писателей и участников семинара выехали в двадцать четыре района области. Поездки эти были просто-таки триумфальными. Это был первый опыт массовых литературных встреч в стране — до этого ничего подобного не было.

(Печатается с сокращениями).

Марина Прохорова,
ученица 9-го класса

В ТАКОМ ЧУЖОМ И РОДНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ

Есть много сказок и легенд о кочевниках, что перебирались с места на место, с одних земель на другие. Среди населения планеты и по сей день сохранились кочевые племена, одно из них — "офисерское" племя. Куда бы ни послала Родина его представителей, они обязаны сложить свои "жидкие" пожитки и поехать.

...Прислонившись лбом к окну вагона, я вглядывалась в мелькавшие ночные огни Читы и думала: "Что ждет меня на этой чужой земле? Что здесь за люди?" Поезд медленно тащил вагоны по рельсам. Вокруг расстились бескрайние просторы степей, величественно красивых своей бесконечностью и в то же время трогательно одиноких, пустынных из-за своей малонаселенности. Гряды сопок уходили вдаль, рыже-золотистые от цвета прошлогодней засохшей травы. А небо над нами — голубое-голубое, высокое, морозное, какое бывает только в Забайкалье (теперь я в этом уже убедилась). Селения в степи между сопками кажутся маленькими оазисами жизни, такими незащищенными и уязвимыми, крошечными по сравнению с масштабом земель. И странно — зима, а вокруг ни сугробов, ни даже снежиночки нет, а небо летнее, с ярким солнцем, и только мороз да голые ветви деревьев говорят о том, что сейчас зимнее время года.

Многое пришлось пережить мне той первой забайкальской зимой, и, лишь пройдя все испытания, я поняла, какие люди живут рядом со мной. Отзывчивость забайкальцев не знает границ, они готовы помочь и понять в любое время, в любой ситуации. "Помогут, чем смогут, да последнюю рубашку с плеча отдадут", — это сказано про них. В тот тяжелый год они помогли нам с дровами и керосином. Просто непостижима их способность оставаться всегда веселыми и жизнерадостными, бодрыми, надеющимися и верящими в лучшее даже тогда, когда другие бы озлобились, опустили бы руки.

Электричество из-за аварий отключали на недели, поэтому отопление тоже отсутствовало. В поселке легче: печку всегда растопить можно, а как в городке? Температура в школе не поднималась выше 7 градусов, но учителя продолжали обучать детей. Казалось бы, давно пора отчаяться, сломаться перед трудностями, но люди шутили, смеялись, ободрили друг друга, и сила их, сплотившихся, ставших одной огромной семьей, была поистине велика.

Ничто не может сломить забайкальцев, а трудности только закаляют их и укрепляют в борьбе за выживание.

А если с тобой что-то случится или тебе станет очень плохо, ты всегда можешь приехать сюда, где в каждом доме тебя примут, обогреют и накормят, залечат раны души.

Нельзя не восхищаться холодной и величавой красотой Забайкалья, но именно люди, выносливые, добрые, сильные и отзывчивые, по-настоящему украшают его. Те, кто хоть год прожил здесь, получили хороший урок жизни, а тем, кто живет здесь всю жизнь, можно только сказать: "Спасибо, спасибо за то, что вы есть! Спасибо за вашу доброту и отзывчивость, забайкальцы!"

Вернисаж

Юрий Круглов

Графика — особый вид изобразительного искусства. Литография, которой, в основном, занимался Юрий Круглов, требует совершенного владения рисунком, тонкого и точного чувства света, виртуозной техники резьбы. Все это, и еще талант от Бога, позволили Ю. Круглову стать одним из ведущих графиков Сибири и России. С его работами знакомы не только соотечественники, но и зарубежные знатоки графического искусства.

ДРЕБЕЗМ

СЕНСАЦИЯ

ЧИТА ИЛИ ЧАТА?

ВИПУСНОЕ

Михаил Вишняков

● Коптское письмо

● Финикийское письмо

● Узелковое письмо

● Розеттский камень

● Ассирийская клинопись

● Критско-микенское письмо (по Артуру Эвансу)

● Грузинское написание

● Армянское написание

● Аккадский язык

● Язык майя (по расшифровке Диего де Ландо в Тенайоке в 30-ти км от Мехико)

● Русская буква "ч"

● Пиктограмма

Языкознание — очень узкая, сугубо специальная научная дисциплина. Но именно языкознание в нашей недавней истории было настоящим полем идеологических битв. Может быть, вождем народов, который, как поется в песне, "в языкознании познавший толк", видел в нем мифологизацию истинной истории и собственной личности. Ведь языкознание "помнит и знает" то, что для современников является самой страшной и недоступной тайной. Язык, он рано или поздно "проговорится", объяснит потомкам то, что спрятали жрецы и идеологи любого режима.

Занимаясь этимологическими проблемами, толкованием географических и исторических названий Забайкалья, наши специалисты долгое время закрывали на многое глаза или выкручивались с помощью хитроумных языковых подтасовок. Так, например, стыдливо замолчали, что название Жирекен на языке тунгусского племени кендагиров было ругательным, даже неприличным словом. Этого не знали первые русские топографы, нанесшие по опросу местных жителей название ручья Жирекен на карту. Позже геологи нашли в Жирекене молибден. Появился рудник и поселок Жирекен. И когда местный патриот сочинил стихи "Мой любимый Жирекен" — это вызвало у знающих людей не просто иронию, а совсем другие

чувства. Правду же сказать никто не решился.

В таком же положении оказалась история с Читой. Толкователи предложили разные переводы с бурятского и эвенкийского: "глина", "песчаный берег", "нарос на березе" и т.д. и т.д. Но все это звучит малоубедительно. А что, нет глины или песка, или наростов на березе в Атамановке, Дарасуне или Карымской? Почему все-таки именно это место названо Читой?

Оказывается, что название — чрезвычайно живучая языковая страта, проходящая не только через века и тысячелетия, но и сквозь языки и культурные напластования целых цивилизаций. До русских, бурят и эвенков на территории Забайкалья жили люди со времен палеолита. Читинские археологи предполагают, что у подножья Титовской сопки еще 50 тысяч лет назад работала каменотесная мастерская по изготовлению наконечников стрел и копий, рубил, скребков и т.д.

Историки почти единодушны в утверждении, что племена, потрясшие насшествием Европу, называемые гуннами, не кто иные, как наши забайкальские хунну. От них остались плиточные могилы да... редчайшие осколки корней слов и слогги в названиях рек, гор, озер, географических пунктов.

Я обратил внимание на слово "чата", которым хунну обозначали крепкий, пьянящий напиток,

причем, отчетливо различалось, что он — не продукт брожения молока или меда, а нечто крепкое, типа русской водки. Хунну получали его у подножья Титовской сопки кипячением "съестной массы" в бронзовом котле, крышка которого покрывалась льдом. Первые пять бронзовых "кипящих" котлов приказал установить верховный вождь Элитек (пра-пра-прадед Атиллы) при горе-каменоломне, у слияния реки Онгоды с небольшой речкой Ук. Словом "Чата" обозначался и сосуд-кубок, из которого принимали "чату".

Сохранилось описание праздника Чаты, посвященного приходу лета. "Князь праздника в венке из цветов выходит к народу в окружении своих дочерей, которых зовут "дев-чата" и предлагает "по-чаты" сосуды. (Дети, родившиеся от "дев-чаты" будут называться "вну-чаты"). После обильного возлияния "чаты" собравшиеся начинают ритуальный праздник, во время которого "брен-чат", "сту-чат", "ры-чат", "кри-чат".

По закону языковой локсодромии (греч. лохос — косой, дромос — бег, путь) слогги "чата", "чат" внедрились в целый ряд слов: чан и чарка, четвертинка, накачаться, одичать, взрывчатый, отключаться и т.д.

Не отсюда ли и Дарасун? Ибо "тараах" — опохмеляться, "су" — так тебе и надо, то-то вот! Значит, хунну, едущий в южные степи и напившийся "чаты" на Ингоде, вынужден был останавливаться в районе Дарасуна, чтобы сделать "тарахсун"...

Еще одно любопытное замечание или наблюдение. Какой бы язык мы не взяли: коптское письмо или ассирийскую клинопись, египетские иероглифы или санскритскую вязь, руническое или ярманское письмо — везде слог "чата-чат" изображен знаками в виде чарки, кубка, сосуда, рюмки. Даже узелковое письмо с Камчатки напоминает сосуд. А наша русская буква "ч" — не то же ли?

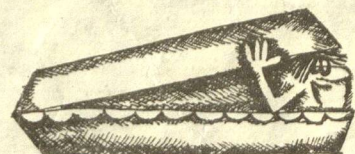
Этой публикацией автор не берется утверждать, что нашу Читу стоит перевести и именовать "Пьяный город", но истинное знание своих исторических корней еще никому не помешало. Кто-то улыбнется, кто-то задумается, кто-то продолжит эти исследования дальше.

ФИРМА "НА ВЫНОС"

изготавливает персональные эпитафии по наличному расчету. Качество подтверждено сертификатом. Образцы прилагаются.

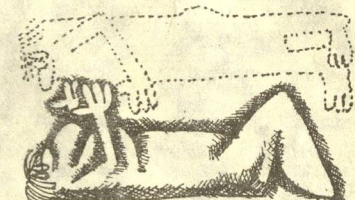
Я мир познал.
Я в каждой был пивной.
И ты, прохожий, не спеши
за мной.

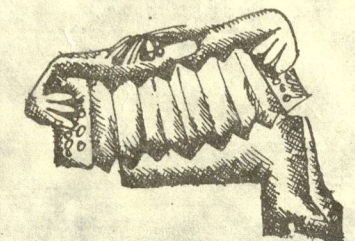
Сергея,
мальчик наш хороший,
Склоняем головы, любя.
Ты столько в жизни
укокошил.
Прости, что мы — тебя.

Был в жизни прям
и непритворен,
со злом боролся,
как с бедой.
Мой крест
не будет опозорен
коммунистической
звездой.

Как и праматерь наша
Ева,
я знала тайну естества:
не часто, но ходя налево,
бывала все-таки
права.

Под этим камнем
композитор,
наш друг талантливый
и рьяный.
Он только в музыке
транзитом,
здесь — постоянно!

Первым евреем, который сильно подвел Вожда мирового пролетариата, был Маркс, разглядевший сквозь туман далекого Альбиона две фазы развития коммунизма в России.

Как стали утверждать с начала перестройки и гласности некоторые авторы отдельных аналитических статей, зловредные евреи успели значительно подпортить картину революционного обновления российской державы, пока Владимир Ильич не понял, что Троцкий — прости-тутка.

Кстати, о сексе.

Говорят, будто родители Инессы Арманд никогда не были чукчами. Это обстоятельство не позволило г-ну Ульянову своевременно усмотреть в своей партийной соратнице и просто подруге оголтелого прораба свободной любви, наставлявшего целомудренных пролетарок делить ложе со всяким, кроме идейного

врага и не члена РСДРП.

Категорически отторгнутая Вождем теория половой распущенности такти нашла своих последователей из числа неохваченных Комсомолом. Именно они первыми залегли в осваиваемый нами рынок по марксовой схеме: товар — деньги — товар.

Наша реклама:

Если Вы очень хотите, но нечем платить, — это еще ничего не значит.

Если Вы хотите вместе с нами — это уже кое-что. Поскольку, вложив кое-что в наши акции, Вы сможете приобрести столько, чтобы оплатить то, что Вы очень хотите!

Итак, сексуальная недалекость Ильича аукнулась в массах.

Опираясь лозунгами дня и цитатами из Манифеста, все эти луначарские — володарские коварно вздумали загнать российский народ в бездну коммунистической перспективы. Слава Всевышнему — не успели.

Говорят, что сегодня в нашей бывшей общей Одессе уже нет евреев, кроме Михаила Моисеевича Жванецкого, который, естественно, живет в Москве. Этот летальный демографический исход может неважно сказаться на умонастроении россиян, чья история была бы более привлекательна, не будь коварных сынов Израиля.

И в самом деле. С именем какого очередного Марка Шагала мы еще раз начнем громить искусство антинародного авангарда?

Где мы найдем очередного Растроповича, чтобы, перекрыв кислород на Родине, турнуть его в бессрочные гастроли за рубеж?

Какому еще Войновичу мы покажем в какой-нибудь Германии, место, где живет Кузькина мать?

Какого будущего лауреата Нобелевской премии мы не примем на работу даже дворником?

И что уж совсем немисливо, как мы умудрились не включить в состав российского правительства хотя бы одного парламентского Козлевича, чтобы при нужде отвязаться на нем за все наше идейно-экономическое дроволомье?

Господа! Оберегая свое будущее, берегите евреев!

Наша реклама:

Если Вы не хотите улетать в Израиль, летайте самолетами Аэрофлота! У них, как писали на своих лавках те же одесские евреи, "Керосина нет и неизвестно..."

Рюрик Карасевич БЕРЕГИТЕ ЕВРЕЕВ

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ

Леонид Аверьянов,
Николай Березин,
Михаил Вишняков,
Георгий Граубин,

Евгений Куренной,
Юрий Круглов,
Михаил Константинов,
Рюрик Карасевич,

Эдвард Маковский,
Евгений Минашкин,
Федор Машечко,
Игорь Портнягин

ЧИТА ЛИТЕРАТУРНАЯ.
Приложение к газете
«Азия-экспресс».

ИЗДАТЕЛЬ
ООО «Азия-пресс»
Тел.: 3-90-08, 3-88-16
Выходит один раз в месяц.
Тираж 2000 экз.

Зак. №1449
Набор и верстка
АО СТС г. Чита.
Печать в обл.
типографии.